

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

А. С. Смбалян

ПРАВОТВОРЧЕСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ ТРИБУНАЛОВ: ОПЫТ МУТБЮ

Аннотация: Деятельность Международного Уголовного Трибунала по бывшей Югославии представляет собой наглядную иллюстрацию судебного правотворчества. МУТБЮ внес большой вклад в развитие международного гуманитарного права, адаптировав его к современным вооруженным конфликтам и повысив стандарты защиты прав личности.

Ключевые слова: юриспруденция, международный, уголовный, трибунал, югославия, руанда, преступление, правотворчество, развитие, право.

При всей неоднородности и противоречивости отношения к данному органу со стороны мирового сообщества представляется целесообразным, по возможности, абстрагироваться от субъективного, порой, чрезмерно политизированного восприятия функционального содержания и результатов деятельности МУТБЮ, равно как и других международных трибуналов. Один из важнейших аспектов деятельности уголовных трибуналов состоит в том, что их решения способствовали существенному развитию, порой, радикальному реформированию международного уголовного права. Благодаря этим решениям, многие основополагающие понятия Женевских конвенций были адаптированы к изменившимся условиям международной жизни и потребностям международного сообщества. А за время деятельности МУТБЮ международное уголовное право прошло куда как больший путь развития, чем за предшествовавшие пятьдесят лет.

Когда Совет Безопасности (СБ) ООН принимал решение об учреждении этого Трибунала, мало кто представлял, каковой на самом деле будет его деятельность. В своей резолюции №808 СБ ООН обратился к Генеральному Секретарю ООН с просьбой представить доклад лишь о возможности учреждения Трибунала по бывшей Югославии.¹ При этом данное обращение никак не конкретизировалось, что в определенной мере было странно. Учреждение подобного трибунала являлось далеко не рядовым вопросом повестки дня, поскольку МУТБЮ должен был стать первым после Нюрнбергского

и Токийского трибуналов международным уголовным судом.

Можно предположить, что одной из причин такого обращения СБ ООН была уверенность его членов в том, что их граждане не будут подвергаться уголовному преследованию со стороны подобного Трибунала. Кроме того, на момент обращения возможность учреждения постоянно действующего органа правосудия в области уголовной юрисдикции официально не обсуждалось. Очевидно, вопрос создания МУТБЮ рассматривался в качестве «технического» решения задачи наказания военных преступников. Об этом, например, свидетельствует мнение США, изложенное в представленном Трибуналу меморандуме при рассмотрении им дела *Tadic*, что «учреждая Трибунал Совету предстояло разрешить особую ситуацию, представляющую собой серьезную угрозу миру, рассмотрение которой не терпело отлагательств. Он [СБ ООН] не создавал новых стандартов в области международного гуманитарного права».² И только этим можно объяснить тот факт, что Статут Трибунала, подготовленный в рекордные сроки Генеральным секретарем ООН при содействии членов организации и неправительственных организаций, был принят фактически «в сыром виде», причем СБ ООН не вносил в него каких-либо существенных поправок.

¹ Security Council Resolution No. 808, UN Doc. S/RES/808 (1993) of 22 February 1993. Para. 2.

² Submission of the Government of the United States of America Concerning Certain Arguments Made by Counsel for the Accused in the Case of The Prosecutor of the Tribunal Dusan Tadic (July 17, 1995). P. 14.

В Статуте МУТБЮ отсутствует определение международных преступлений. А поскольку до этого определения большей части из указанных в Статуте международных преступлений не были сформулированы и в других международно-правовых документах (требуемые договорные нормы в принципе отсутствовали), то Трибунал должен был «выявлять» соответствующие дефиниции в обычном международном праве. Именно об этом и сказано в Докладе Генерального Секретаря ООН: «Применение принципа *nullum crimen sine lege* требует, чтобы международный трибунал применял нормы международного гуманитарного права, которые, вне всякого сомнения, являются частью обычного международного права, так, чтобы проблема обязательности отдельных конвенций для отдельных, но не всех государств, не возникала. Положения договорного международного гуманитарного права, ставшие уже частью обычного международного права, представляют собой право, применяемое к вооруженным конфликтам, как оно изложено в: Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны... Гаагской конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны ... от 18 октября 1907 г.... Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.... и Уставе Международного Военного Трибунала от 8 августа 1945 г.».³

Практика показала, что приведённый выше «посыл» Генерального секретаря СБ ООН был совершенно нереалистичным, если не сказать утопическим. И даже наоборот: в такой формулировке он фактически открывал широкие возможности для судебного правотворчества.

МУТБЮ предстояло рассматривать дела в области нарушений гуманитарного права в условиях, когда многие из вопросов, передаваемых на его рассмотрение, в принципе не были урегулированы международным правом. В ходе осуществления своих функций Трибунал столкнулся с тем, что ни в договорном, ни в обычном международном праве не раскрываются понятия, имеющие ключевое значение для отправления правосудия. Со времен деятельности Нюрнбергского и Токийского трибуналов к моменту создания МУТБЮ не было международных уголовных процессов в связи с совершением военных преступлений. Ни Статут Трибунала, ни поименованные в Докладе Генерального секретаря источники права не могли стать для судей однозначным руководством при отправлении правосудия. Трибунал, согласно полученным «инструкциям» (юридический статус

которых весьма сомнителен), должен был применять, в частности, обычные нормы международного права, т.е. неписаное право, иными словами, проявлять творческий подход к выявлению соответствующей нормы (для этого нужно было привести доказательства того, что соответствующая норма уже является частью международного права). Во-вторых, Трибунал должен был раскрыть содержание такой неписаной нормы. В-третьих, Трибуналу предстояло должным образом применить выявленную им правовую норму. По всей видимости, для вынесения решений по соответствующим вопросам Трибунал не мог не прибегать к правотворчеству.

В то же время в области процессуального права полномочия МУТБЮ были шире. В Статуте Трибунала было закреплено право судей вырабатывать правила процедуры и, что немаловажно, правила в доказательства. Если разработка правил процедуры непосредственно органами международного правосудия является обычной практикой, то выработка правил в области доказательства непосредственно самим трибуналом следует рассматривать в качестве нововведения. МУТБЮ сделал ряд важных выводов об иммунитете военных журналистов от дачи свидетельских показаний. Так, Апелляционная Камера указала, что вменение в обязанность военных журналистов дачи свидетельских показаний «на общих основаниях» может «серьезно повлиять на их способность получать информацию и, следовательно, на их возможность информировать общественность о вопросах, являющихся предметом общей обеспокоенности». В целях решения данного вопроса Апелляционная Камера предложила проводить двухуровневый тест: во-первых, лицо, которое настаивает на даче показаний, должно доказать, что запрашиваемое таким образом показание имеет существенное и прямое отношение к рассмотрению самой сути рассматриваемого вопроса; во-вторых, должно быть продемонстрировано, что запрашиваемое свидетельство не может быть получено иным способом.⁴

Если бы в вопросах применения материального права МУТБЮ буквально следовал напутствию Генерального секретаря ООН, то Трибунал должен был бы в каждом втором деле объявлять себя *non liquet*, расписываясь в своей неспособности выполнять возложенные на него функции по отправлению уголовного правосудия. Но МУТБЮ пошел другим путем, и правотворчество стало одной из основных, или, по меньшей

³ Report of the Secretary General Pursuant to Paragraph of the Security Council Resolution 808 (1993). UN Doc. S/25704, paras. 34-35.

⁴ Prosecutor v. Brdjanin, Decision on Interlocutory Appeal, Case No IT-99-36-AR73.9 (ICTY Appellate Chamber, December 11, 2002).

мере, неотъемлемых характеристик его деятельности. Фактически, Трибунал стал первопроходцем в деле реформирования и развития международного уголовного права. И в эту сферу МУТБЮ внес уникальный вклад, сколь бы противоречивы ни были политические оценки его деятельности.

Примечательно, что при учреждении Международного Уголовного Трибунала по Руанде (МУТР) были наложены гораздо менее жесткие ограничения в части применимого права. Так, например, судьи МУТР, согласно полученным аналогичным образом «инструкциям», могли применять не только обычное международное право, но и международные «документы», независимо от того, являлись ли они частью обычного международного права или же нет.⁵

Что касается Статута Международного Уголовного Суда (МУС), то его полномочия по применению материального права прописаны весьма детально. В качестве правового основания принимаемых решений Статья 21 Статута указывает сам Статут, элементы (составы) преступлений, Правила процедуры и доказывания, иные международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов. И только в случаях, когда решение не может быть принято на основании поименованных источников, «Суд применяет «общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая, соответственно, национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом, международным правом и международно признанными нормами и стандартами». Целью столь подробного изложения требований, предъявляемых к применяемому Судом праву, является, по всей видимости, ограничение судейского усмотрения и, соответственно, правотворческого потенциала Суда. Тем не менее, можно предположить, что при выработке таких правил ни самим государствам, ни в последующем Суду невозможно будет игнорировать соответствующую практику уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Прецеденты данных уголовных трибуналов фактически стали важнейшей составляющей современного международного уголовного права. С уверенностью можно предположить, что в ходе разбирательств в рамках МУС со стороны участников процессов будут иметь

место многочисленные ссылки на практику уголовных трибуналов *ad hoc*. Влияние решений уголовных трибуналов на МУС очевидно уже сейчас: многие выводы трибуналов, особенно МУТБЮ, сделанные им в деле *Tadic*, были инкорпорированы в Статут МУС.

Собственно правотворчество международных уголовных трибуналов осуществляется посредством: а) толкования международно-правовых норм и принципов; б) выявления и применения общих принципов права; и в) выявления и применения обычно-правовых норм и принципов. В рамках настоящей статьи возможно рассмотрение первого из данных методов правотворчества.

В подавляющем большинстве случаев судебное правотворчество происходит именно в рамках толкования. Даже в случаях совершенно прямого правотворчества судьи обосновывают свои выводы, отталкиваясь от действующего международного права. Важно подчеркнуть, что судебное правотворчество отлично от правотворчества органов законодательной власти, в частности, в том, что имеет более мягкую, завуалированную форму. Судья Международного Суда, выдающийся ученый Х. Лаутерпахт [*Hersch Lauterpacht*] совершенно справедливо указывал на то, что «...при толковании и применении конкретных норм права Суд не действует в качестве механической машины, полностью оторванной от социальных и политических реалий международного сообщества. В каждом случае он применяет творческий подход, опираясь на всю полноту международного права и потребности международного сообщества, ... ибо судебная деятельность есть не что иное, как законотворчество *in concreto*...».⁶

Предметом толкования со стороны международных судей становятся не только нормы и принципы, значение которых представляется, по меньшей мере, двусмысленным, но и те из них, содержание которых, на первый взгляд, не вызывают никаких сомнений и, соответственно, вполне достаточно было бы их буквального толкования. Однако практика разрешения международных споров показывает, что судьи не очень жалуют буквальное толкование и прибегают к нему достаточно редко. Превалирует общее впечатление, что международные судьи в большинстве разделяют подход, согласно которому любая норма и особенно принцип международного права может и должен стать предметом толкования. Последнее представляет собой

⁵ Report of the Secretary-General Pursuant to Paragraph 5 of the SC Resolution 955 (1995). UN Doc. S/1995/134. Para. 12.

⁶ *Hersch Lauterpacht, The Function of Law in the International Community* (Oxford: Clarendon Press, 1933). P.p. 319-320. Footnote omitted.

основной инструмент, позволяющий судьям осуществлять эффективное отправление правосудия и оказывать влияние на развитие международного права. Если бы судьи были вынуждены придерживаться буквального либо иных форм ограничительного толкования, то роль органов международного правосудия в общем свелась бы к формальному цитированию «незыблемых правовых основ». Примером расширительного, эволюционного толкования, направленного на адаптацию существующих правовых норм к меняющимся условиям международной жизни и особенностям обстоятельств рассматриваемого дела являются, например, выводы Апелляционной Камеры относительно определения «покровительствуемые лица», сделанные при рассмотрении дела *Tadic*.

Решение по делу *Tadic* в научной литературе наиболее известно как решение МУТБЮ, в котором Трибунал отошел от толкования «стандарта всеобщего контроля», предложенного Международным Судом. Данный факт, по мнению многих экспертов и международных судей является доказательством опасности, которую таят подобные решения как усугубляющие фрагментацию международного права. По нашему мнению, у МУТБЮ были все основания для собственной интерпретации и применения указанного стандарта, поэтому обвинения Трибунала в «самовольстве» представляются безосновательными. Однако особое внимание, следует обратить на другой аспект рассмотренного дела.

С точки зрения своего влияния на развитие международного гуманитарного права, решение по делу *Tadic* является беспрецедентным. При его рассмотрении Трибунал сделал ряд выводов, оказавших непосредственное влияние на развитие международного уголовного судопроизводства и гуманитарного права. (Мы не рассматриваем политические аспекты деятельности Трибунала, а лишь оцениваем некоторые его выводы с точки зрения их научной и практической значимости). В таком контексте дело *Tadic* представляет собой настоящий клад. Хотя некоторые из сделанных Трибуналом выводов не сразу были восприняты (опять-таки ввиду критики политической составляющей деятельности Трибунала) сделанные Трибуналом умозаключения представляют собой богатейший источник идей, прежде всего, адаптации международного права к современным реалиям международных отношений с новыми вызовами и угрозами.

Во-первых, применив расширительное толкование, Трибунал пришел к выводу, что он обладает юрисдикцией по рассмотрению нарушений, совершенных в ходе

гражданских войн в соответствии со статьей 3 Статута Трибунала, хотя этот вывод напрямую из указанной статьи не следовал. Кроме того, существовала неясность, предусматривало ли обычное международное право в принципе уголовную ответственность отдельных лиц за нарушения, совершенные в ходе внутреннего вооруженного конфликта. При этом, как ни удивительно, лишь две статьи Статута, являющегося основополагающим документом, устанавливающим объем юрисдикции Трибунала, посвящены военным преступлениям: в Статье 2 говорится о серьезных нарушениях Женевских Конвенций 1949г., а в Статье 3 упомянуты нарушения законов и обычаев войны. В частности, в соответствии с вводной частью Статьи 3, «Международный Трибунал наделен компетенцией преследования лиц, нарушающих законы и обычаи войны», которые должны «включать, но не ограничиваться» перечисленными в Гаагской Конвенции (IV) 1907 г. О законах и обычаях сухопутной войны, как это было указано в упомянутом Докладе Генерального секретаря. Однако в Гаагских конвенциях ничего не сказано об уголовном преследовании лиц, виновных в совершении поименованных в них преступлениях. Несмотря на это, Апелляционная Камера заключила, что положения Статьи 3 действовали в отношении «всех нарушений международного гуманитарного права иначе, чем в отношении «серьезных нарушений» четырех Женевских Конвенций», включая нарушение законов, действующих во время гражданских войн, хотя ничего подобного в Статуте Трибунала не сказано. К такому выводу Апелляционная Камера пришла через утверждение о том, что Статья 3 обеспечивает, чтобы ни одно серьезное нарушение международного гуманитарного права не оказалось вне юрисдикции Международного Трибунала. Статья 3 призвана сделать такую юрисдикцию неопровержимой и неизбежной. Апелляционная Камера определила также ряд условий, согласно которым соответствующее действие являло бы собой нарушение Статьи 3 Статута: i) такое нарушение должно означать нарушение нормы международного гуманитарного права; ii) норма должна быть общеправовой либо, если она является частью договорного права, должны быть соблюдены следующие условия... iii) нарушение должно быть «серьезным»...; iv) нарушение нормы, в соответствии с обычным либо договорным правом, должно вести к индивидуальной уголовной ответственности лица, нарушившего норму.⁷

⁷ Prosecutor v. Tadic, Case N IT-94-1-1, Decision on Defense Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (October 2, 1995). P. 94.

Выводы Апелляционной Камеры выходят далеко за пределы буквального содержания Статута Трибунала, Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Апелляционная Камера пришла к этим выводам через установление обычно-правовой природы целого ряда положений, о которых даже не было упоминания в соответствующих международных документах. Как и Международный Суд в решении *Корфу*, МУТБЮ для придания большей убедительности своим выводам привел также аргументы морального свойства, отметив, что «подход, ориентированный на государственный суверенитет, постепенно был вытеснен подходом, ориентированным на человека».⁸

Во-вторых, Трибунал сформулировал определение «вооруженный конфликт», применимое, фактически, как к международным, так и внутренним конфликтам. В частности, Апелляционная Камера уточнила, что «вооруженный конфликт констатируется во всех случаях, когда имеет место обращение к вооруженной силе в отношениях между государствами, либо затяжное вооруженное насилие между правительственными силами и организованными вооруженными группировками, либо между такими группировками в рамках государства».⁹ В-третьих, как отмечалось выше, анализируя вопрос о том, как определять, является ли рассматриваемый вооруженный конфликт международным или же внутренним, Апелляционная Камера проявила достаточно гибкий подход, отличный от провозглашенного ранее в другом деле Международным Судом. В частности, было указано, что в обстоятельствах вовлеченности государства в деятельность организованных вооруженных группировок на территории другого государства должен быть проведен тест на предмет того, осуществляло ли иностранное государство «полный контроль» над такими силами на предмет «планирования и наблюдения» за их военными операциями.¹⁰ Впоследствии, при рассмотрении спора *Prosecutor v. Aleksovski* Апелляционная Камера подтвердила данный вывод, отметив, что «этот отличный и менее жесткий стандарт» полностью соответствует основополагающим целям Женевской Конвенции (IV), которая обеспечивает «защиту гражданских лиц в максимально возможной степени».¹¹

⁸ Ibid. Para. 97.

⁹ *Prosecutor v. Tadic*, Case N IT-94-1-1, Decision on Defense Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. Para. 70.

¹⁰ Ibid., at 145.

¹¹ *Prosecutor v. Aleksovski*, Case N IT-95-14/-A, Judgment 145 (March 24, 2000).

Как известно, Женевские Конвенции применяются в отношении международных вооруженных конфликтов, где жертвы совершенных тяжелых правонарушений должны быть наделены статусом «покровительствуемых лиц». Апелляционная Камера, не согласившись с предложенным Судебной Камерой буквальным толкованием понятия «покровительствуемых лиц», отказалась от применения общепринятого критерия национальности, воспользовавшись такими критериями, как «государственная принадлежность» и «эффективная защита». При этом давалась ссылка на Статьи 4(2), 44 и 70(2) Четвертой Женевской конвенции, согласно которым гражданство не всегда является решающим фактором, например, в отношении беженцев и граждан нейтральных государств. И хотя в рассматриваемом деле жертвы конфликта не принадлежали ни к одной из поименованных категорий, Апелляционная Камера установила, что согласно тексту конвенций отсутствие государственной принадлежности, как и дипломатической защиты со стороны конкретного государства являются более существенными факторами, нежели наличие гражданства.¹² Причины использованной методологии изложены исчерпывающе: «Такой юридический подход, увязанный с существенными связями в большей мере, чем с формальной принадлежностью, становится все более важным в современных вооруженных конфликтах. В то время, как в прошлом войны происходили в основном между «устоявшимися» государствами, в современных межэтнических вооруженных конфликтах, таких, как в бывшей Югославии, новые государства часто создаются в ходе самих конфликтов, а этническая принадлежность может быть более важной основой для государственной принадлежности, чем гражданство».¹³ Фактически Апелляционная Камера, распространив своим решением действие международного гуманитарного права на субъектов, до сих пор под его действие не подпадавших, выработала новый стандарт, который может позволить всем жертвам международных вооруженных конфликтов, вне зависимости от их гражданства, воспользоваться механизмами защиты, предусмотренными Женевскими конвенциями. Это яркий пример правотворчества посредством толкования. Если бы МУТБЮ придерживался ограничительного, буквального толкования положений Женевских конвенций, то сделанные выводы были бы совершенно иными. Представляется, что последние были обоснованными, и, повысив стандарт защиты лиц во время вооруженного конфликта, судьи МУТБЮ

¹² *Prosecutor v. Tadic*, IT-94-1-A, 15.07.1999 (*Tadic Appeals Judgment*). Para. 165.

¹³ Ibid. para. 166.

действовали в рамках присущих им неотъемлемых полномочий.

Прецедентная практика МУТР уступает практике МУТБЮ по количеству рассмотренных дел, но не по значимости сделанных выводов. МУТР рассмотрел ряд дел, которые задали новое направление в развитии этой правовой отрасли в силу новаторских умозаключений Трибунала. Эти дела фактически раскрыли потенциал международного гуманитарного права, показав нам его новые грани. К таким решениям принадлежит, в частности, решение по делу *Akayesu*.¹⁴ Значение данного дела состоит в следующем.

Во-первых, Судебная Камера признала сексуальное насилие в качестве неотъемлемой части совершенного в Руанде геноцида, что имело место в международной практике впервые. Трибунал фактически приравнял изнасилование к геноциду, пояснив, что при наличии «намерения уничтожить группу» изнасилование и сексуальное насилие могут рассматриваться в качестве геноцида, поскольку при определенных обстоятельствах сексуальное насилие может быть шагом, направленным на уничтожение определенной группы, поскольку такое уничтожение способно «сломить дух, волю к жизни и саму жизнь».¹⁵ Во-вторых, Трибунал квалифицировал изнасилование и иные формы сексуального насилия в качестве самостоятельных международных преступлений, являющих собой преступления против человечности. В-третьих, Судебная Камера впервые в международном праве сформулировала определение изнасилования, учитывающее все возможные вариации данного преступления.

Решение по делу *Akayesu* было воспринято международным академическим и судебским сообществом неоднозначно. В некоторых последующих решениях МУТБЮ подход МУТР нашел отражение, т.е. был воспринят,¹⁶ в то время как в других - нет. Есть некоторые основания полагать, что в решении *Akayesu* было применено излишне расширительное толкование норм и понятий международных преступлений, что можно было бы рассматривать в качестве нарушения прав обвиняемого и принципа законности. Не исключено также, что определение изнасилования, предложенное МУТР, несколько «опережает время», и когда возникнет

необходимость в более высоких, нежели существующие, стандартах защиты прав личности, примененный в деле *Akayesu* подход получит большую поддержку. Мы же придерживаемся точки зрения, что Трибунал при вынесении данного решения действовал в пределах своих полномочий. В такой совершенно особой области, как гуманитарное право, органы международного правосудия правомочны повышать стандарты защиты личности, что и было сделано.

Роль международных уголовных трибуналов, в особенности МУТБЮ, в развитии международного права остается недооцененной. Под шквалом международной критики деятельности Трибунала его достижения в области права заметно поблекли. Эта критика была вызвана, во-первых, политическим неприятием со стороны ряда государств самого Трибунала, вне зависимости от сделанных им правовых заключений по отдельным рассмотренным вопросам. Во-вторых, многие специалисты в области международного права достаточно эмоционально критиковали решение по делу *Tadic*, в частности за то, что Трибуналом был отвергнут предложенный ранее Международным Судом стандарт осуществления контроля. Такая критика носила недостаточно аргументированный характер, потому что сомнения подвергались не конкретные доводы, приведенные Трибуналом в обоснование собственной, отличной от Суда позиции. Негодование вызывал сам факт того, что специализированный орган правосудия осмелился отвергнуть мнение главного судебного органа ООН. Но у Трибунала были для этого все основания.

Весьма значительный вклад в развитие международного права внесли решения, принятые МУТБЮ в первые годы его деятельности. В этой связи следует отметить, что Апелляционная Камера, которая и сделала целый ряд выводов, по сути, являвшихся ясным правотворчеством, состояла из международных судей, дипломатов и представителей академических кругов. В то время как при рассмотрении последующих дел, многие из которых ничем выдающимся в контексте развития права, не выделились, Апелляционная Камера состояла в основном из специалистов в области уголовного права. Это подтверждает тезис о том, что от личности конкретного судьи, его профессиональных убеждений и собственного понимания задачи отправления международного правосудия, в конечном итоге зависит и само правосудие.

Деятельность Трибунала вышла далеко за рамки «рутинного» рассмотрения переданных ему дел. Есть все основания полагать, что при учреждении МУТБЮ мало кто предвидел, что отдельные решения Трибунала

¹⁴ Prosecutor v. Jean Paul Akayesu, ICTR-96-4-T, 02.09.1998.

¹⁵ Ibid. para. 7.7.

¹⁶ См.: Prosecutor v. Delalic (Celebici Case), IT-96-21, 16.11.1998.; Prosecutor v. Musema, ICTR-96-13 Trial Judgment, 27.01.2000.

по существу приносимых им новаций будут для международного права революционными, и что в них, фактически, будут переписаны отдельные положения Женевских конвенций. Кроме того, судьи, рассматривавшие дело *Tadic*, фактически еще раз подтвердили, что МУТБЮ является независимым органом международного правосудия, у которого есть собственное, отличное от установившегося, мнение относительно конкретных аспектов международного права. Это, безусловно, является прецедентом, который придаст больше «смелости» и другим органам международного правосудия в отстаивании собственной точки зрения в интересах более эффективного выполнения возложенных на них функций.

МУТБЮ придал Женевским конвенциям «второе дыхание», адаптировал ключевые для международного гуманитарного права понятия к реалиям сегодняшнего дня. Фактически, Трибунал расширил действие Женевских Конвенций и других международных документов в рассматриваемой области, распространив их на современные вооруженные конфликты. Альтернативой такому судебному правотворчеству являлось бы проведение новых и, наверняка, продолжительных многосторонних переговоров с целью выработки, например, новых дополнительных

протоколов, адекватных современному уровню опасности и рисков, которые таят в себе вооруженные конфликты. Однако, столь консервативный, если не рудиментарный, путь не представляется достаточно реалистичным. В свете последних событий в странах арабского мира, - череды кровопролитных внутригосударственных конфликтов, неминуемо перерастающих в международные, - использование столь «зашоренного» канонами правовых процедур подхода, выглядит, скорее, утопией.

Динамика мировой геополитики от биполярности к многополярности отражена, прежде всего, в реалиях восстановления Россией статуса мировой державы, с одной стороны, нежеланием некоторых стран во главе с США считаться с этим в стремлении к новому переделу региональных сфер влияния, с другой, сохранение опасности раскручивания спирали мирового терроризма, с третьей. Эти и ряд других актуальных факторов предопределяет необходимость серьезной адаптации всей системы международного права, и не в последнюю очередь органов международного правосудия, к сегодняшним условиям. Более того, нельзя исключать, что уже в обозримой перспективе возникнет императив формирования новой международно-правовой парадигмы, на принципиально иных, нежели принятые, основах.

Библиография:

1. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 1072 с.
2. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
3. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. / Под редакцией и с библиографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. – (Серия «Русское юридическое наследие»).

References (transliteration):

1. De Sal'via M. Pretsedenty Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. Rukovodyashchie printsipy sudebnoy praktiki, odnosyashcheysya k Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Sudebnaya praktika s 1960 po 2002 g. – SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2004. – 1072 s.
2. Lukashuk I.I. Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti. – M.: Volters Kluver, 2004. – 432 s.
3. Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. V 2-kh tomakh. / Pod redaktsiey i s bibliograficheskim ocherkom doktora yuridicheskikh nauk, professora V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2008. – (Seriya «Russkoe yuridicheskoe nasledie»).